

ЛЕЯ
ТРАХТМАН-
ПАЛХАН

Воспоминания:
из маленького Тель-Авива
в Москву

Лея Трахтман-Палхан

**Воспоминания. Из маленького
Тель-Авива в Москву**

«Мосты культуры»

1989

Трахтман-Палхан Л.

Воспоминания. Из маленького Тель-Авива в Москву /
Л. Трахтман-Палхан — «Мосты культуры», 1989

У автора этих мемуаров, Леи Трахтман-Палхан, необычная судьба. В 1922 году, девятилетней девочкой родители привезли ее из украинского местечка Соколивка в «маленький Тель-Авив» подмандатной Палестины. А когда ей не исполнилось и восемнадцати, британцы выслали ее в СССР за подпольную коммунистическую деятельность. Только через сорок лет, в 1971 году, Лея с мужем и сыном вернулась, наконец, в Израиль. Воспоминания интересны, прежде всего, феноменальной памятью мемуаристки, сохранившей множество имен и событий, бытовых деталей, мелочей, через которые только и можно понять прошлую жизнь. Впервые мемуары были опубликованы на иврите двумя книжками: «От маленького Тель-Авива до Москвы» (1989) и «Сорок лет жизни израильтянки в Советском Союзе» (1996).

© Трахтман-Палхан Л., 1989

© Мосты культуры, 1989

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Из маленького Тель-Авива в Москву	7
Воспоминания детства	7
Местечковый быт	10
Погромы	14
Мы – беженцы	20
Первые годы нашей жизни в Палестине	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лея Трахтман-Палхан

Воспоминания. Из маленького

Тель-Авива в Москву

©Мосты культуры/Гешарим, 2010

©Израиль Палхан

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

На одной из семейных встреч в 1985 году мой старший сын Эрик собрал вокруг меня внуков и попросил: «Мама, расскажи нам, пожалуйста, о своем детстве». Он включил магнитофон, и я начала рассказывать:

«Я сижу на завалинке нашего дома. Справа от меня стоит тарелка, которую мама только что вынесла для меня из дома, с нарезанными ломтиками ароматного огурца и куском черного украинского хлеба. Правой рукой я ем из тарелки, а в левой руке держу, прижимая к себе, свою любимую куклу. Голова моей куклы из фарфора, лицо ее белое с розовыми щеками, глаза черные и волос черный. Тело куклы из чулка, набитого тряпками. В саду дома напротив цветет акация. Акация на Украине – это высокие деревья. Запах цветущей акации вокруг. Мы, дети, любили сосать маленькие сладковатые цветочки акации. Солнце светит. Я сижу, смотрю на прекрасный мир со страхом и думаю: «Вот из-за этого дома с цветущим садом могут вдруг ворваться в местечко бандиты на конях с пашками в руках, и тогда наступит тьма». Я помню ощущение контраста, которое я не могла выразить тогда словами, между красотой мира и жестокостью погромщиков. Я была поражена и озадачена сосуществованием двух этих крайностей, которые я увидела, как только открыла глаза на этот прекрасный и жестокий мир. Хорошо помню чувства незащитности и страха, переполнявшие меня тогда».

Приступив через некоторое время к воспоминаниям, я решила писать их в хронологическом порядке. Ведь я помню жизнь в местечке до наступления погромов, период мирной жизни. А чтобы мои записи были понятны младшим сестрам и брату, а также моим внукам, я решила писать на иврите.

Часть первая. Из маленького Тель-Авива в Москву

Воспоминания детства

Я родилась 2 ноября 1913 года в местечке Соколивка (Юстинград) на Украине в бывшей Киевской губернии. Моя мать Хая Таратута была родом из местечка Кенеле, а мой отец Иосиф Трахтман – из местечка Соколивка.

В фильме «Ентл» показано местечко, очень похожее на местечко, где жил мой дед Биньямин Таратута в Кенеле. Я увидела в фильме дом, который выглядит копией дома моего деда.

Наше местечко называлось Соколивка, как и украинская деревня, к которой оно примыкало. А официально оно называлось Юстинград. Большинство построек в местечке составляли мазанки (т. е. построенные из глины и соломы). Дома зажиточных людей строились из дерева или красного кирпича. Из кирпича были построены кондитерская фабрика, баня. За баней находился дом раввина, тоже кирпичный, с красивым садом вокруг. Я помню раввина в традиционной одежде, спускающегося по широкой лестнице в сад. Таких домов было мало. В местечке не было ни шоссе, ни тротуаров. Осень и зиму местечко утопало в болоте и снегу. Я очень любила весну, канун Пасхи, когда мы, дети, могли играть и бегать по высохшим тропинкам.

Мои родители снимали квартиру, не было у них своего дома. Первая наша квартира была в доме семьи Дозорец (в доме бабушки нынешнего начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля Дана Шомрона). Их отца уже не было в живых, а мать уходила утром из дома. И мои родители уходили утром в свою лавку. Целыми днями оставались мы с хозяйскими детьми, которые были старше нас. Они играли и ухаживали за нами, маленькими. В этом доме родилась моя сестра Мирьям – третья дочь в нашей семье. Я помню ее рождение. Там была еще одна квартирантка, которая жила там с маленьким сыном. Она страдала манией чистоты и всегда, убирая свою квартиру, громко кричала на сына.

Ночью приснился мне сон: «Соседка вытряхивает одеяло вместе с сыном около канавы снаружи двора и кричит на него». Я просыпаюсь от крика и вижу маму, лежащую в большой деревянной кровати родителей, напротив моей кушетки. У кровати стоит местечковская бабка-акушерка, вытаскивает из тела матери ребенка, покрытого кровью, и окунает его в деревянное корыто с водой в ногах маминой постели. Я громко заплакала. Папа зашел в комнату, наклонился ко мне и, чтобы успокоить меня, дал мне большую коробку из-под папирос. Так в возрасте трех лет я присутствовала при рождении моей сестры Мирьям.

Я помню сад во дворе семьи Дозорец. Я на руках у одной из дочерей Дозорцев. Мы стоим у дерева, и я лакомлюсь смолой с его ствола. Вдоль забора росла малина. Этот дом и дом раввина, что напротив, примыкали к жилищам украинских крестьян. Вечерами во время дойки мама брала нас (меня и сестру Тову, которая была старше меня почти на два года) к крестьянке, доившей корову, и та наливала нам по стакану теплого молока из стоящего рядом ведра. К нам часто заходил фельдшер, который делал уколы и прививки. Он был инвалидом Первой мировой войны, у него было что-то с горлом, и его речь звучала как «тик-так, тик-так». Я боялась его, начинала кричать и плакать при его появлении.

В этом доме мы жили до погромов.

Мы переехали в дом, расположенный недалеко от рынка. Через пустырь мы переходили к торговому ряду, где была и лавка моего отца. Рядом находилась большая площадь, на которой раз в неделю проходила ярмарка. Масса крестьян из окрестных деревень прибывали со сво-

ими повозками, полными товаров. Они продавали овощи, фрукты, а также лошадей и коров. Повозки заполняли всю площадь, было очень тесно. Мы, дети, тоже бывали там иногда. Я помню случай в ярмарочный день. Я стою в узком проходе между лавками. Вдруг появляется передо мною крестьянка, молодая, высокая, в украинской цветной шали на плечах и сапогах. А я босая. Она наступает каблуком на большой палец моей ноги, с силой нажимает на него и не отпускает, пока не появляется кровь. Какая ненависть! Поступать так по отношению к маленькой девочке только потому, что это – еврейский ребенок! Но были среди крестьян и другие люди. Например, те, которые дважды спасли жизнь моему отцу, о чем я расскажу в дальнейшем.

Дочь хозяина нашего дома была красивой девушкой, и мы, дети, ее очень любили. Я помню ее в тонком трикотажном свитере с черными и белыми полосками, с веселой и приятной улыбкой на нежном лице. Она сидит посреди комнаты на стуле, мы вокруг нее. Она уже обручена, и мы знакомы с ее молодым красивым женихом. А затем я вспоминаю ее сидящей на том же месте, плачущей горькими слезами: ее жениха убили бандиты по дороге из Умани, куда он ездил за товаром. Я тогда впервые услышала о бандитах-погромщиках и об убийствах евреев.

В этом доме нас посетила бабушка Рахиль, мама нашей матери. Родители нашей матери развелись. Наш отец, будучи еще женихом, долго хлопотал по поводу их развода. Ко времени своего визита она была замужем за другим человеком и жила в другом городе. Она спала у нас в большой комнате на единственной кровати, что стояла там у стены напротив входа.

Утро. Бабушка, сидя в постели, одевается. Ее лицо белое, длинные волосы спадают на плечи, она надевает розовое белье. Я, стоя у постели, люблю свою красивую бабушку. Вдруг из коридора, ведущего из спальни родителей и из кухни, появляется папа. Бабушка, вскрикнув «Ой!», быстро натягивает на себя простыню. Это единственное, что я помню о бабушке Рахили. Больно, что моя мама после такой тяжелой жизни, полной мук физических и душевных, оставила всего несколько страниц воспоминаний. Она посвятила детство и юность уходу за своими братьями и сестрами. А сколько сил она потратила на нас! Во время погромов она защищала нас, прятала. Когда мне было 14–15 лет, мама рассказывала мне, что мечтала быть писательницей. Она ходила в хедер, но дедушка забрал ее, объяснив, что девушке достаточно уметь написать письмо и знать молитву. Когда она выходила солнечным утром и смотрела на золоченый купол церкви, на зелень, на цветущие деревья, ей страстно хотелось все это описать. И действительно, несколько страниц, оставленных ею, написаны с большим талантом.

Я переписывалась с матерью несколько лет и, прибыв в Израиль, перевела ее записи с идиша на иврит, размножила и раздала внукам. Если я успею завершить книгу о моей жизни, то обязательно включу туда воспоминания моей матери.

Я пишу, чтобы наши дети и внуки знали, как надо ценить свободную, спокойную и мирную жизнь.

Моя младшая сестра Бат-Ами, родившаяся в Стране, сказала мне, что никто ей ни разу не рассказывал о местечке. Об этой жизни она знает только из литературы.

Период жизни в доме у рынка был спокойным и мирным. Папа держал продуктовую лавку, и мама готовила для продажи домашнюю колбасу. Мы любили есть ее прямо из печи. Дома был погреб, полный всякого добра. Летом мама готовила вишневку. В погребе лежала большая бочка отверстием кверху. Мама сидела на низком стульчике, вокруг нее стояли ведра, полные спелой вишни. Вынув косточки, она кидала ягоды в бочку, а мы сидели рядом и ели темную зрелую украинскую вишню сколько душе угодно. Я не помню процесс приготовления вишневки, а только помню аромат спелой вишни, а затем вкус и аромат сладкой наливки. В погребе стояли также бочки с мочеными яблоками и солеными арбузами. Я помню также вкус зрелых яблок, груш и дынь. Больше мне никогда в жизни не приходилось пробовать таких вкусных фруктов. Во время коллективизации почти все фруктовые сады были уничтожены из-за того, что налогом облагалось каждое фруктовое дерево. И помидоры на Украине имели

особую форму и вкус. Когда я приехала в Советский Союз в 1931 году, мне уже не приходилось пробовать те фрукты и овощи, которые я любила в детстве. Мы недоедали. По карточкам мы получали основные продукты питания, причем низкого качества. Особенно помнится мне селедка, которую нам выдавали сухую и невыносимо соленую, при том что в Палестине в то же время продавали соленую рыбу высокого качества всех видов, импортируемую из Советского Союза. Мама покупала также рыбные консервы в томате, сделанные в Советском Союзе. Но все эти товары выпускались только на экспорт, чтобы получить иностранную валюту и купить машины, необходимые для индустриализации.

Местечковый быт

На окраине местечка за домом бабушки жили «ам аарец» (простой народ). Это были в основном извозчики – «балагулес» (владельцы повозок). Они считались людьми низкого класса, как и другие трудящиеся (портные, сапожники). Наибольшим уважением пользовались знатоки Торы. Богатый человек искал для своей дочери жениха, знающего Тору, причем не обязательно богатого. Возчики были здоровыми, стройными парнями, одетыми по-крестьянски. Они отличались грубым языком и свободными манерами. Уважаемые люди местечка носили капоты, и из-под шапок выступали «пейсы». У зажиточных были палисадники, огороженные заборами. Их было мало. Большинство населения местечка жили в домах, двери которых выходили прямо на улицы, лишённые всякой зелени. Сыровато-черный хлеб в виде круглых, сплюснутых буханок пекли в будни, а в субботние дни халы. Оладьи жарили часто из гречневой муки. Мама подавала нам с Товой по утрам эти оладьи горячими прямо со сковороды. На местечковой базарной площади стояло два ряда лавок с обеих сторон главной улицы – широкой немощеной проезжей дороги без тротуаров. На противоположной стороне дороги, ведущей на Умань через мост, продавались промтовары. Как-то раз папа завел меня в киоск и купил пиво. Я не понимала, как это люди могут пить такой горький напиток!

Однажды утром я остановилась у витрины, в которой были выложены бусы всех цветов и оттенков: красные, розовые, желтые, зеленые. Я долго с восхищением смотрела на них. Мне особенно понравились зеленые. Я быстро побежала домой и принялась умолять маму купить мне их. Мама пообещала мне, что после приготовления обеда пойдет со мной в магазин и купит мне заветные бусы. Затем она отложила это до окончания уборки, а когда завершилась уборка, она стала у корыта и стала стирать. Весь день я ходила за ней с надеждой, что вот-вот она освободится от работы, пойдет со мной и купит мне желанные бусы. Но когда начало темнеть и я наконец-то поняла, что мама мне их не купит, я заплакала громким плачем. Я помню все случаи, когда я в детстве плакала от всего сердца. Взрослые забывают, как чувствительны детские сердца, особенно ко лжи. Так я получила урок воспитания на всю жизнь. Я никогда не обещала своим детям того, чего не могла им дать. Я им говорила правду: «Это не для тебя» или «У нас нет возможности приобрести это».

У моей бабушки Енты, матери моего отца, было семь сыновей. Трое эмигрировали в Америку перед Первой мировой войной, еще до моего рождения. С их детьми и внуками я познакомилась только в последние годы, когда они приезжали в Израиль в качестве туристов. Старшего брата отца Мордехая (Мотла), который уехал в Америку после революции, я помню. Хорошо помню еще двух братьев отца, оставшихся с нами в местечке: дядю Залмана, прибывшего с семьей в Палестину, и дядю Шнеера, единственного из братьев, оставшегося в России. Во всех их семьях старшего сына называли Яковом, по имени деда, который умер молодым. Он был «софер-стам» (переписчиком Торы). Во время эпидемии холеры он заразился, ухаживая за больными.

Бабушка Ента осталась вдовой с семью сыновьями. Залман учился в доме раввина, а у других были частные учителя. В детстве меня называли бабушкой Ентон из-за моего курного носа. Бабушка, по маминым рассказам, была энергичной женщиной, прямой и справедливой, но вспыльчивой. Дети вызвали ее в Америку, где она и умерла. Дом бабушки Енты стоял в местечке на холме. Просторная площадка перед ее домом высыхала ранней весной и была любимым местом детских игр. Ее длинный, окрашенный в светло-желтый цвет дом был одноэтажным, как и все в местечке. Я не помню двухэтажных домов ни в Соколивке, ни в Кенеле. В его правой части жила бабушка, а в левой – дядя Мотл с семьей. Он был уважаемым человеком, преуспевающим торговцем рыбой. Я помню его серьезное лицо с черной бородой. Мой отец был светловолосым с рыжей бородой. Мои сестры Това и Сара похожи на отца. В моей

памяти сохранилось лишь одно воспоминание о доме дяди Мотла – Това, дядя и я сидим на балконе его дома, застекленном цветными стеклами, и пьем чай из японских или китайских чашек. Помнится мне, что во время погромов говорили взрослые: «Ведь Мотл говорил нам не радоваться революции, предупреждал, что будут еврейские погромы, убеждал не участвовать в манифестациях». Я помню, что, когда в местечке узнали о свержении царя, все жители вышли на улицу с красными цветами и красными шелковыми лентами в петлицах. Мне было тогда всего три года и три месяца. И прав ведь был дядя Мотл. Он помнил погромы, сопровождавшие революцию 1905 года.

Дом бабушки прилегал к дороге, ведущей на Кенеле, находившуюся в пяти верстах от Соколивки. Дома дяди Залмана и дяди Шнеера были с другой стороны дороги. Помню бабушку, сидящую на завалинке и вяжущую щетки для побелки. Рассказывают, что после смерти деда она содержала семью благодаря этой работе. Дома в местечке белили внутри и снаружи белой глиной, коричневой глиной мазали полы в канун субботы. Такой пол был у дяди Хаима. В двух предыдущих квартирах пол был дощатым. В день, когда мазали пол глиной, нам, детям, разрешали заходить в дом после того, как пол высыхал. Такой пол я увидела после Второй мировой войны в Бессарабии в городе Когале.

Была еще родственница в местечке – тетя нашей мамы. Она жила на берегу реки около моста, по которому проходила дорога на Умань. Мы купались в этой реке. Вода в ней казалась зеленой от отражения деревьев и кустов, что росли вокруг. И помнится мне приятный аромат чистой речной воды. Дом тети был построен на холме над рекой, за ним рос фруктовый сад, а перед ним стояли новые повозки, которые, по-видимому, изготавливал ее муж. Тетя была очень гостеприимная.

В местечке жила семья моего дяди Хаима, который эмигрировал в Америку до Первой мировой войны. Его жена умерла во время погромов, о его детях я расскажу в дальнейшем. В его доме мы жили в последний период нашего пребывания в местечке. Недавно нас навестили две его внучки из Америки в возрасте 58 и 60 лет, дети старшей дочери Хаима, которую я хорошо помню.

В семье деда Биньямина остались тогда дома Мордехай и Юда, а из дочерей Ривка и Ада. Его дочь Хана была уже в Аргентине, а моя мать вышла замуж. Мои дедушка и бабушка развелись после гибели их младшего сына, упавшего с лошади. В детстве меня беспокоил вопрос: «Почему они развелись?» Мама отвечала мне, что дедушка считал: Бог наказал их за красоту бабушки смертью сына; и я не понимала: почему Бог, давший красоту человеку, наказывает его за это. Этот вопрос стал особенно беспокоить меня после того, как я стала матерью. Я обращалась с ним к Юде и к Мордехаю. Сожалею, что не разговаривала об этом с Адой.

У дедушки была маслобойня. Сыновья работали вместе с ним. Маслобойня помещалась в доме. Был у них рабочий – старый украинец. Дочери занимались хозяйством. Ада была девушкой с сильным характером. Она мне рассказывала, что после того, как она взяла в свои руки управление финансами, семья не знала больше бедности, которую описала мама в своих воспоминаниях. Ада считала: причина нужды – щедрость дедушки по отношению к чужим людям. Четвертая дочь дедушки Хана была уже в Аргентине, и я ее никогда в жизни не видела. С ее сыном Хаимом я познакомилась пару лет тому назад. Он работает хирургом в Буэнос-Айресе. Его дети, получившие в Аргентине еврейское воспитание и прибывшие сюда со знанием иврита, живут в Израиле со своими семьями. Приехав на свадьбы детей, он пригласил и нас. После свадеб мы устроили для него и его семьи праздничную встречу в нашем доме. Дети его утверждают, что я напоминаю им их бабушку – мою покойную тетю Хану. Хаиму не удалось найти себе подходящую работу, и он вернулся в Аргентину. Хана из Аргентины и Ривка из Америки навестили тут своих братьев и сестер, с которыми не виделись около сорока

лет. Их отца, моего дедушки Биньямина, тогда уже не было в живых. Это было в 1954 году, за два года до моего приезда.

Вернемся к местечку. Ривка была уже обручена с сыном одного лавочника из Соколивки. После свадьбы они намеревались эмигрировать в Америку. Мне, маленькой девочке, больно было, что моя красивая тетя Ривка, белолицая, с черными волосами, выходит замуж за некрасивого мужчину. И вот мои тети прибыли из Кенеле в Соколивку за покупками к предстоящей свадьбе. Они зашли домой и развернули материал на платье для невесты. От солнечного света ткань заиграла разноцветными оттенками: синим, голубым, зеленым. Мама посмотрела на этот красивый материал и сказала сердито: «Вы не могли купить еще немного, чтобы хватило на платье для Добеле и Лееля». Так звали в семье Тову и меня.

Я пишу свои воспоминания со всеми подробностями, которые, как живые картины, встают перед моим взором.

После смерти Иосифа Палхана, брата Михаила, мы получили письма их отца к Иосифу, которые были написаны из местечка Бершадь в Палестину. Больно читать эти письма. Его внуки, родившиеся и выросшие в доме, построенном за его счет, очень мало знают о дедушке. Израиль Богомольный (отец Михаила) был «софер-стам». Письма его были написаны в годы большой нужды, по большей части на иврите, каллиграфическим почерком на пожелтевшей от времени бумаге. Жена его умерла от тифа, и он остался с тремя маленькими детьми: Юдит, Михаилом и Хаймом. Это случилось во время погромов. Их дом был полон беженцев из других городков, спасавшихся от бандитов. Родители Михаила, по рассказам его старшего брата Иосифа, были очень щедрыми людьми. Вспыхнула эпидемия тифа. Его мама ухаживала за всеми. Заразившись тифом, она умерла.

Старшая дочь Израйля Богомольного, Шифра, была тогда в Бессарабии, принадлежавшей в те годы Румынии. Шифра, молодая одинокая девушка, оказалась там по дороге в Америку без средств к существованию. Старший его сын Иосиф, адресат этих писем, был голодным и босым «халуцем» (в те годы так называли молодых, новоприбывших сионистов). Израиль Богомольный продал дом и все имущество и поехал к Днестру в Каменку, чтобы перейти границу с Румынией. Но он вынужден был вернуться, так как контрабандисты иногда грабили людей, а были случаи, когда и убивали в целях ограбления. Один с тремя маленькими детьми, он не мог рисковать и вернулся в местечко. Все его письма проникнуты большой отцовской заботой. Он пересылал в Америку свитки Торы на продажу, чтобы поддерживать своих старших детей, оторванных от него, и чтобы подготовить почву для своего приезда в Палестину.

Иосиф рассказывал нам, что на деньги, вырученные от продажи свитков Торы в Америке, ему удалось построить свой дом в Кирьят-Хаиме. Иосиф ездил в Бессарабию через много лет и за счет этих денег помог сестре Шифре и ее семье. Только самому себе не смог помочь Израиль Богомольный. В Советском Союзе никто не нуждался в его Торе. Из письма Юдит к брату видно, что они ходили голодными, раздетыми, разутыми. Отец Михаила Израиль Богомольный, именем которого назван наш младший сын, служил в царской армии и много энергии вкладывал в свою работу. Михаил помнит, как о его отце говорили, что он успевает написать два свитка Торы, пока другие пишут один. Он вырастил трех сыновей и двух дочерей. Вместе со своей женой содержал семью с честью. Его жена Хая управляла их магазином тканей. После того как англичане получили мандат на Палестину, прислал Иосифу все данные о себе и о детях и просил Иосифа, который сам отчаялся и хотел вернуться в местечко, выслать ему вызов для проезда в Страну. Он заболел раком желудка и умер в Одессе во время операции. После его смерти один родственник помог переправить детей в Палестину. К сожалению, все трое вернулись в Советский Союз. Юдит и Михаил были высланы английскими властями за участие в коммунистическом движении, а несовершеннолетнего Хайма Иосиф отправил с

Михаилом. Юдит и ее сын были расстреляны нацистами вместе со всеми евреями Одессы, а ее муж Бродский погиб в сталинском лагере.

С Юдит я сидела в женской тюрьме в Бет-Лехеме в течение трех месяцев. Она была старше меня на шесть-семь лет. Это была высокая девушка. Лицо ее было широким, волосы черные, стриженные. Ее большие карие глаза выражали материнскую доброту. Она была очень чувствительная. Перед посещением ее мужем в тюрьме она могла дойти до истерики. Сара Чечик, медицинская сестра, сидевшая с нами в камере, ухаживала за ней. Юдит очень хотела, чтобы мы с Михаилом поженились. Приезжая к нему из Одессы, она всегда посылала его за мной. Поселок автозавода, где я работала, примыкал к стандартному городку подшипникового завода, где работал Михаил. Когда я была сослана в Одессу, Юдит окружила меня материнской заботой. Я была знакома с Шифрой и ее семьей, с Хаимом и его женой. А с Иосифом, старшим братом Михаила, я познакомилась уже в Израиле.

О жизни Израиля Богомольного можно узнать только из его писем к сыну Иосифу и из воспоминаний Михаила, которому было всего восемь лет, когда скончался его отец.

Погромы

Перед тем как приступить к описаниям погрома в местечке, я хочу описать два момента из мирной жизни. Мы, дети, любили Пасху. Это радостное воспоминание (а их так мало было в моем детстве). Помню атмосферу наступающего праздника. Нам шили к Пасхе новые, летние платья. Мы играли и бегали по высохшим тропинкам и площадкам и дышали пьянящим воздухом наступающей весны. Старшие в то время были заняты выведением «хамеца» (квасного). Около домов кипятили посуду в больших баках на кострах. А в дни Пасхи мы играли с орешками, которыми были полны наши карманы. Мы катали их по земле в сторону вырытых ямок. Тот, кто попадал орехом в ямку, выигрывал орех у других участников игры. Я любила пасхальную еду: пасхальный борщ и все лакомства, приготовленные из мацы и мацовой муки.

Еще одно воспоминание из мирной жизни в местечке – это свадьба. Я, маленькая девочка, стою близко к «клеизмерам» (свадебному оркестру) и не отрываю глаз от их лиц и инструментов. Это происходило в доме, заполненном шумливой, празднично одетой публикой.

Когда я много лет спустя присутствовала на выступлении еврейского ансамбля «Мы здесь» на курорте в Прибалтике, а затем на его выступлении в Израиле, меня очень взволновали и показались такими родными их песни и пляски в номере «Еврейская свадьба».

Погромы начались, когда мы жили в доме недалеко от рынка. После убийства жениха дочери нашего хозяина по дороге из Умани в местечке был первый большой погром.

Петлюровцы или деникинцы собрали всех мужчин в синагоге, вывели молодых, увели за город и расстреляли. Они убили почти всех молодых людей городка. Наш отец был вместе со всеми в синагоге. Его спасла большая борода – его отвели в сторону стариков. На второй день после того как бандиты оставили городок, стоял в местечке большой плач. Я помню, как люди вышли из своих укрытий и с рыданием бежали на рыночную площадь, а оттуда за город к месту казни. Я помню, что видела мужчин в нижнем белье с непокрытыми головами, бегущих в сторону рыночной площади. По-видимому, одежду у них отобрали. Когда распространялся слух, что банды приближаются к местечку, мама хватала нас, детей (Тову, Мирьям и меня), и убегала с нами из дома, чтобы укрыться. Папа оставался дома. Он говорил, что, если ему суждено умереть, смерть настигнет его в любом месте. Однажды ночью бандиты подожгли городок. Папа, оставшийся один дома, увидел, что пламя достигает крыши, и вынужден был бежать. Это было летом, пшеница в полях стояла высокая. Отец мой добрался до крестьянских полей и скрылся в хлебах. Он слышал голоса других евреев, прятавшихся там же. Когда взошло солнце, отец побежал в сторону деревни. Выбежав на улицу, он увидел старую крестьянку, которая вышла из своего дома и позвала его к себе, сказав, что в соседнем доме находятся бандиты. Она быстро завела его в амбар и спрятала под кучей соломы. Как только она повесила замок на двери амбара, мой отец услышал голос бандита: «Говорят, что жид забежал к тебе. Где он? Если не выдашь его, сождем дом!» Крестьянка ответила, что она никого не видела и никого не прячет. Погромщик приказал снять замок, вошел в амбар, несколько раз воткнул свой штык в кучу соломы и вышел из амбара. Отец рассказывал, что он почувствовал, как воткнулся штык рядом с его коленом. Возвратившись домой после ухода бандитов из городка, мы прислушивались к волнующим рассказам людей, чудом спасшихся от убийц.

В другой раз отец рассказывал нам, как его спасли деревенские крестьяне, которые наблюдали, как евреев расстреливают, а их тела кидают в реку. Когда дошла очередь до папы и его повели на расстрел, крестьяне начали умолять бандитов пощадить папу, так как он – добрый еврей, всегда дающий продукты в долг. Они сказали, что его лавка расположена неподалеку, и он отдаст им все, что там имеется, ради спасения жизни.

Группа бандитов повела папу в сторону магазина. Они шли, подталкивая его вперед своими винтовками. Издалека отец увидел, что двери его лавки распахнуты, т. е. лавка ограб-

лена. Вдруг он заметил знакомую торговку-украинку из деревни, продающую папиросы, которая часто занимала у него деньги. Тогда он попросил у нее в долг двадцать коробок папирос, но та ему отказала. Погромщики продолжали подталкивать отца в сторону его лавки. Когда он зашел в свой магазинчик, то с ужасом увидел, что магазин полностью разграблен, а все полки пусты. Тогда он вспомнил, что за день до этого он привез из Умани ящик с конфетами и положил их в шкаф под прилавком. Он нагнулся, нашел их на месте и поставил на прилавок. Бандиты накинулись на конфеты, и отец мой сбежал. Таким образом, крестьяне соседней деревни дважды спасали жизнь моему отцу.

Третьим (и последним) местом жительства нашей семьи в городке был дом моего дяди Хаима, расположенный напротив синагоги справа от конфетной фабрики. Часть его занимала семья дяди Хаима, который сам был в Америке, а в другой части жили мы. Окно нашей квартиры выходило на дорогу, которая вела от рынка в сторону дома бабушки за город, в Кенеле. Напротив нашего окна стоял богатый дом с красивым садом, о котором я пишу в предисловии. Во время одного из погромов этот дом и его прекрасный сад были сожжены до основания: остались лишь одни черные угольки.

Вот одно из моих воспоминаний тех времен. Ночь. Я лежу в постели, прикрытая периной, между мамой и папой. Я проснулась от страшных криков людей, зовущих на помощь. Их убивают! Это происходит за стеной с окном, у которой стоит наша кровать. Я чувствую: даже мама и папа – эти большие, сильные, любящие меня родители, не в силах уберечь меня от того страшного, что происходит с людьми за стеной.

Другое воспоминание. Утро. Кто-то заходит и говорит, что видел на мосту бандитов. Мама хватается нас, детей, и в испуге бежит с нами в сторону реки. Вокруг реки растет высокий камыш. Мы между стеблями в воде. Мама несет Мирьям на руках, а мы с Товой держимся за ее юбку с обеих сторон. Мы движемся в глубь камышовых зарослей, и вода доходит нам с Товой почти до шеи. Впереди нас бежит группа молодых людей: три-четыре парня, с ними девушка. Девушка стриженная, с непокрытой головой. Наверное, была одна из «передовых», так как девушки в местечке заплетали косы и носили головные платки. Мама, обращаясь к ним, умоляет: «Возьмите девочек на руки, они могут утонуть!» Девушка оборачивается к нам, хочет помочь, но парни не позволяют ей, с силой тянут ее за собой. Она вторично оборачивается, порываясь помочь, но парни не дают ей это сделать, и они убегают, скрываясь впереди. Вдруг с левой стороны показалась кочка, выступающая из воды. Мама подняла нас на кочку, и мы уселись с ней у кустов. Было лето, солнце светило ярко. Перед нами появилась цапля. Она прошла гордо и спокойно, не замечая нас. Я впервые увидела такую большую птицу.

Вечерело. Мы сидели, прижавшись к матери, голодные и напуганные. Вдруг мы услышали голос папы, зовущего маму: «Хая, Хая!» Обернувшись на голос, мы увидели за кустами реку, а на противоположном берегу папу на фоне крестьянских дворов. Река была узкой в этом месте. Я не помню, как отец перевел нас через реку, но мы прибыли благополучно домой. По-видимому, девушка, вернувшись в городок, сообщила семье о нашем местонахождении. Когда мы вошли в дом, то застали там бабушку Енту. Она укоряла маму за то, что та хватается детей и убегает, не разобравшись, кто пришел в местечко. А это были большевики, которые не убивали евреев, а только грабили зажиточных. Мама сидела молча, с опущенной головой, и снимала пиявку с ноги.

Из-за боязни пожаров мы скрывались в домах на окраине местечка недалеко от украинской деревни. Однажды мы прятались в доме старой вдовы. Мы сидели с мамой на кушетке около входной двери. Вдруг в дом вошли три бородатых мужика. Они угостили нас, детей, семечками и вошли в комнату, подошли к двери, расположенной напротив входной, и открыли ее. Комната была полна молодых девушек, которые подняли страшный крик. Старая женщина начала умолять не трогать девушек. Показывая на свою швейную машинку, она обещала постирать и починить им одежду. Девушки все это время продолжали кричать и плакать. По-види-

тому, это были крестьяне, присоединившиеся к бандитам, чтобы пограбить. Они повернулись и вышли из дома.

Помню я и другой случай. Мы бежим в сторону деревни. Мама держит Мирьям на руках, а мы с Товой держимся за полы ее платья. Мама была маленькая, рядом с ней бежит высокая женщина с ребенком на руках. Нас преследует молодой бандит с винтовкой. Мы слышим его смех. Наш страх развлекает его. Мы бежим что есть силы, а он продолжает гнаться за нами с протянутой винтовкой. Мы добрались до строящегося дома в поле, расположенного между местечком и деревней. Там нет еще пола, окна еще не застеклены. Мы сидим вдоль стен под окнами вместе с другими семьями. По-видимому, сидели мы там долго. Мы голодны и просим у мамы дать нам что-нибудь поесть. Она не может больше выносить наш голодный плач и решается выйти в городок, где орудовала очередная банда, чтобы поискать для нас еду.

Мы входим в городок. Мы уселись на пороге одного из первых домов, двери которого раскрыты: внутри никого дома нет. Я не помню, нашла ли там мама какую-нибудь еду для нас. Улица пустынна. Вдруг перед нами появляется бандит в синей шапке с красной полоской. Он требует золота. Мама отвечает ему, что это – не ее дом, что нет у нее ни золота, ни денег, дети голодные. Он угрожает, что вернется через полчаса и, если не получит золота, заберет меня. Я помню страх, охвативший меня, когда он указал на меня пальцем. Ведь я уже знала, что мама не в силах защитить нас. Только бандит отошел от нас и завернул в соседний переулок, появились гурьбой дети дяди Хаима, мать которых умерла незадолго до этого. Младших детей вела старшая дочь семьи Хая. Они так обрадовались, увидев нас в опустевшем городке, что кинулись к нам с криком радости: «Тетя Хая! Тетя Хая!» А мама сердито накричала на них: «Как это вы, взрослые девушки, остались в городке, когда тут банда! Бегите быстрее прятаться!» Они убежали разочарованные, брошенные на произвол судьбы, лишённые поддержки взрослых. Я помню охватившую меня острую жалость к ним.

Накануне погромов появилась в городке молодая женщина с двумя маленькими девочками возраста моего и Товы. Она была городской. Это видно было по их одежде и причёске. Я думаю, что она была направлена в местечко какой-нибудь партией для пропаганды и агитации. Вечерами, когда женщины городка выносили стулья из дома, усаживаясь рядом на площадках у дома, где играли их дети, часто появлялась эта женщина со своими девочками. Девочки, красиво одетые, с бантами в волосах, пели и декламировали перед женщинами.

Во время одного из погромов я увидела эту женщину, пробегающую мимо нашего дома. Она перепрыгнула через забор соседнего дома. За ней гнался бандит. Всем своим чувствительным детским сердцем я желала ей спасения. Я не знала, что такое изнасилование женщин, но знала, что существует какое-то зло, от которого прячут девушек.

Мы в Кенеле в доме дедушки. Бандиты ведут по улице пленных красноармейцев. В Кенеле мой дедушка, владелец маслобойни, и еще один зажиточный еврей, хозяин аптеки, откупали городок от бандитов, и там не убивали жителей. Один из пленных, молоденький еврейский парень, сбежал из колонны и скрылся в доме дедушки. Я увидела его в доме, в кровати, обвязанного женским платком и прикрытого одеялом. Мои тети Ривка и Ада стоят у кровати и уговаривают его лежать спокойно, не вставать, так как бандиты скоро оставят городок, и он будет спасен. Но парень отказывается оставаться в доме, ведь он подвергает опасности нашу семью. Выражение его лица тревожное, расстроенное, он сбрасывает с себя одеяло, головной платок, и, одетый в форму красноармейца, выбегает из дома. Я, маленькая девочка, стояла рядом с тетями и с волнением следила за происходящим.

Недавно мой 93-летний дядя Мордехай подтвердил это мое воспоминание и прибавил, что и он, и Юда заходили в комнату и уговаривали парня остаться.

Вскоре после его ухода мы слышали стрельбу со стороны синагоги. Взрослые говорили, что красноармеец скрылся в синагоге, а бандиты нашли его и расстреляли.

Мы с Товой часто гостили в Кенеле, бывая там подолгу. Бабушка Рахель уже не жила там, они с дедушкой разошлись еще до женитьбы родителей. Когда мы гостили у дедушки, то любили обмакивать хлеб в свежее подсолнечное масло и жевать жмых. Жмых выходил из-под пресса в виде круглого диска. Мы его ломали на куски и жевали. Это была наша любимая еда в Кенеле. Я не помню, чтобы нас там баловали конфетами. Разумеется, что шоколада, жвачки, вафель или мороженого не было, но на конфетной фабрике возле нашего дома производили леденцы. Через окна мы наблюдали за процессом их приготовления. Они были разноцветными с кисло-сладким вкусом. Папа привозил из Умани конфеты из спрессованных семечек. Но хотя в Кенеле особенно не баловали нас сладостями, мы очень любили там гостить. Я навеки привязалась дедушке, тетям и дядям. Больше всех полюбила я Мордехая и Юду. Теперь я понимаю причину: они больше других уделяли нам внимание. Ведь тети ухаживали за домом и за нами, а дедушка с сыновьями был занят с утра до вечера на маслобойне. Старый украинец, работавший там же, был в семье и «субботним гоем», т. е. в субботу зажигал свечи, печи для обогрева дома зимой и делал другие нужные работы, воспрещенные евреям по субботам.

У семьи деда был участок земли в поле. Мордехай и Юда, которых мы звали тогда Мотл и Лейб, брали нас с Товой на участок, когда ходили обрабатывать его. Я помню: мы идем с поля, дяди несут лопаты на плечах, Мотл держит меня за руку и говорит, что придет день, и мы будем жить в Эрец-Исраэль и обрабатывать там нашу родную землю, а не чужую.

Другая картина, сохранившаяся в моей памяти, о жизни в Кенеле. Мордехай ведет меня в хедер для девочек. В Кенеле, как и в Соколивке, не было ни тротуаров, ни мощеных улиц. Широкая проезжая дорога между двумя рядами домов осенью и весной была заболочена. И вот мы шагаем с дядей вдоль ряда домов, расположенных выше дороги, а тропинка вдоль домов – сухая. Осень. Холодно, но нет снега. Мы доходим до места перехода на противоположную сторону, и я вижу девочку, выходящую из дома в сопровождении кого-то. Она одета в шубку из овчины золотистого цвета. Они направляются в тот же хедер. Мордехай переносит меня через грязь на другую сторону. Мы входим в комнату. Там сидят рядами дети за столами, а молодой парень стоит перед классом и учит их ивриту.

Рядом с Кенеле было заброшенное дворянское поместье с большим парком вокруг. Я не знаю, когда хозяева покинули дом: во время революции 1905 или 1917 года. Жители городка гуляли по субботам в парке поместья. Я помню, что меня поднимали на ограду, которая была на уровне парка. Мы не заходили через ворота. Тети брали нас к реке, когда ходили туда полоскать белье. Я помню: белые облака над рекой напоминали мне овец и разных зверей. Смотреть на них было привлекательно и страшновато.

Во время погромов довольно долгий период мы жили в Кенеле на съемной квартире напротив дедушки. Тут я помню долгую болезнь мамы. Когда ее положение ухудшилось, Юда сел на коня и понесся за врачом. Это была высокая русская женщина с серьезным, самоуверенным выражением лица. После ее посещения мать стала поправляться. Однажды я сидела у окна рядом с маминой кроватью и ела селедку с картошкой. Мама протянула руку и шепотом попросила меня угостить ее моей едой. Она говорила шепотом, чтобы не услышали на кухне, так как ей нельзя было есть грубую пищу. Я испугалась ее вида и сбежала.

В моей памяти запечатлелось посещение одной молодой женщиной сапожника (хозяина этого дома). Это была дочь соседа моего дедушки. Она вышла замуж за украинского парня из соседней деревни и, наверное, приняла христианство. Родители от нее отказались, это считалось большим позором для ее родителей, для всей ее семьи. И вот появилась эта «мешумедет» (отступница) у нас в доме. Она была молодой красивой брюнеткой, босой, одетой в длинную юбку и темную рабочую одежду, как одевались крестьянки той деревни. Мне жалко было ее. В те времена только большая любовь могла толкнуть еврейскую девушку на такой шаг.

Еще картина из быта местечка моего детства. Мы в Кенеле. Зимний вечер. Мы сидим с мамой и другими женщинами на кушетке у печи и ошипываем пух из перьев для подушек

и перин. Женщины беседуют между собой. Кто-нибудь из маленьких детей соскребывает мел со стены и кладет в рот. Его мать пытается остановить его, но пожилая женщина не дает это сделать, говоря, что в организме ребенка, по-видимому, не хватает каких-то веществ. Очищивание пуха было послеобеденным времяпрепровождением, сочетанием полезного с приятным для женщин местечка. Это было в спокойные дни в Кенеле, куда мы приезжали временно пожить, спасаясь от погромов.

Дома вокруг сожжены. На месте богатого дома с красивым садом, что стоял напротив, одни груды угля. Дети дяди Хаима, жившего в Америке, остались сиротами и должны были как-то прокормиться. И вот они собирали куски угля от сгоревшего дома и продавали его на рынке для утюгов. Дома они его немного смачивали водой, так как в базарные дни они продавали его в бумажных пакетах, взвешивая на весах. Я помогала им собирать угольки и была в курсе всего процесса.

Во время войны мы получили письмо и посылку от старшей дочери Хаима Хаи. В письме она писала, что хорошо помнит, как я девочкой пяти-шести лет помогала им собирать уголь на продажу. Мое ответное письмо, к сожалению, не застало ее в живых. Она умерла молодой от сердечного приступа. Ее дочери, родившиеся в Америке, недавно были в Израиле с туристической группой и навестили нас.

И вот еще воспоминания из последнего периода нашей жизни в местечке. В соседнем городке был жестокий погром. Повозки беженцев проезжают через Соколивку в Умань по проселочной дороге через мост. Повозки остановились на базарной площади, и жители нашего местечка окружили их. Люди рассказывают о пережитых ужасах. Я стою там, держась за руку отца. Вид беженцев потрясает меня. У всех мужчин в повозках отрезаны носы. На их месте – открытые красные раны.

И вот другая страшная картина тех времен. У синагоги на бугорке, прижавшись к стене, сидит женщина. Она вся завшивлена. Жители городка, стоящие на расстоянии от нее, говорят, что она прибыла поездом. Но железнодорожной станции в Соколивке не было. Она жует хлеб, по которому ползают вши. Люди стоят, советуются, что делать. Вечером мы дома. Кто-то стучит в дверь. Папа подает женщине еду, но в дом не пускает. На другое утро рассказали, что одна одинокая женщина взяла несчастную к себе и ухаживала за ней.

Историю нашей жизни в местечке я хочу закончить воспоминанием о моем отце. Я нахожусь с папой в одном доме нашего городка. В комнате много людей. Мой отец с маленькой брошюрой в руках стоит и читает юмористический рассказ. Возможно, это был один из рассказов Шолом-Алейхема. Люди внимательно слушают, и время от времени раздается общий смех.

Итак, дважды поджигали бандиты наш городок. Жители местечка покидают дома и направляются в Умань, где установилась уже власть большевиков. Местечко опустело. Мы тоже собираемся уезжать. Через Соколивку проезжают на Умань жители окрестных городков. Дом дяди Хаима не сгорел, так как стоял особняком, не примыкая ни к какому дому. Мама открыла пансион для проезжающих и готовила еду для них.

Я помню такой эпизод. Двое молодых людей сидят за столом и соревнуются, кто больше выпьет водки. Мама подала им две бутылки. Каждый выпил свою и попросил еще. И тогда мама начинает подавать им воду. Они продолжают усердно пить. Каждый из них, по-видимому, думал, что он пьет воду, а другой водку. Когда шутка была понята, все рассмеялись.

Дедушка продал маслобойню в Кенеле и купил двухэтажный дом в Умани. Затем и мы оставили местечко и приехали к нему. Дом дедушки стоял на склоне холма. Умань сохранилась в моей памяти как пышно озелененный краснокирпичный город. Мордахай, Юда и Ада уже уехали в Палестину. Дедушка купил дом, заселенный жильцами. Они отказывались платить квартирную плату, говоря, что прошло время хозяев домов. Однажды в дом дедушки пришли

студенты. Они были в черной форменной одежде с золотыми пуговицами и в фуражках с золотыми эмблемами. Я стояла с дедушкой в кладовке, где было много столов. Студенты записывали что-то в блокнот, выносили столы из подвального помещения склада и погружали их на повозки. Наверное, национализировали имущество для какого-нибудь учреждения. В Умани был большой парк со статуями и фонтанами. Мы с Товой гуляли в этом парке. Как-то раз мы получили деньги, чтобы пойти на концерт для детей или в кино. Но мы плохо понимали русский язык и купили билеты на выставку машин. Билетер, стоявший у ворот выставки, сказал, что детям там нечего делать, но билеты были у нас в руках, и мы вошли. Нам было скучно смотреть на машины, и мы ушли разочарованные. Была осень. Нам готовили зимнюю одежду для дороги. Мне помнится, что нам заказали белые фетровые валенки. Мы готовились к выезду в сторону границы.

Мы – беженцы

Мы пустились в путь. Ночь. Темно. Нас несколько семей в повозках. С обеих сторон дороги лес. Вдруг нас стали преследовать с криком и руганью какие-то люди. Они тоже ехали в повозках. Возчики наши своими кнутами бьют по спинам лошадей, лошади несутся галопом. Страшные крики преследователей еще слышны, но уже более отдаленно. Повозки наши повернули вправо на узкую лесную дорогу, и мы спаслись от преследователей. Мы доехали до какого-то дома и легли спать на полу. Среди нас была молодая неженатая пара. Они были веселыми, несмотря на общую напряженность, лежали рядом и смеялись над упреками взрослых.

Утром мы выехали в Каменку, городок на берегу Днестра на тогдашней границе между советской территорией и Румынией. Бессарабия принадлежала тогда Румынии. Местную синагогу превратили тогда в общежитие для беженцев. Среди беженцев в синагоге была большая эпилепсией женщина. Она падала на пол, билась и ударялась до крови. Это была страшная картина. Мама заболела желтухой, лицо ее пожелтело, ее госпитализировали. Мы остались на некоторое время с отцом. Тяжелую зиму мы прожили в Каменке. В синагоге не было дров для топки. Нас, детей, посылали по домам выпрашивать у жителей дрова. Местное население принимало нас неприветливо. Они открывали нам двери с сердитым выражением лица, и в большинстве случаев мы уходили ни с чем. Мы боялись также собак во дворах. Однажды мы вошли в дом, где сидели «шиву» (семь дней траура по мертвому). Хозяйка велела сыну дать нам немного дров. Он вышел с нами во двор и дал нам несколько поленьев.

Весной прибыла в синагогу наша тетя Ада. Она была очень смелой и деловитой девушкой и вернулась из Палестины, чтобы забрать с собой дедушку и вернуться с ним обратно. Она выполнила эту задачу с честью.

Дети беженцев в синагоге страдали болезнью глаз. Мы просыпались с глазами, склееными гноем. Отец языком, своей слюной снимал гной с наших глаз. Мы, девочки, были одеты в платья из мешковины, крашенной в синий цвет. В швах под мышками были вши. Родители раздевали нас и ногтями убивали вшей. Во время этого мероприятия мы сидели на бугорке, на просохшей уже земле на солнечной стороне. Это, по-видимому, было весной. Около этой стены недалеко от синагоги мы сидели с тетей Адой. Лицо тети Ады было асимметричным, одна щека толще другой. Мне казалось, что она сосет конфету, держа ее за толстой щекой. Мне так захотелось конфетку, что я попросила ее у тети. Но у нее ничего не было.

В Каменке нам не удалось перейти границу, и мы переехали в соседний городок Рашков.

Мы жили у хозяина пекарни и спали всей семьей на одной большой кровати в комнате, что примыкала к печи. Пекари работали и ночью, и мы просыпались от их разговоров и громкого смеха.

Днем мы выходили всей семьей к реке. Дорогой я как-то раз услышала, как люди, показывая на папу, говорили: «Посмотрите на бедного вдовца! Остался с четырьмя детьми без жены». Папу старила большая борода, а мама выглядела молоденькой девушкой, и ее принимали за его старшую дочь.

В Рашкове Днестр делил город на две части: одна часть городка принадлежала Румынии, другая была советской территорией. Румынская часть городка была расположена на пригорке. Зимой река была покрыта льдом. Мы, беженцы, стоя на берегу реки, видели противоположный желанный берег Румынии и пограничника, шагающего вдоль берега.

Однажды я увидела молодого парня, перебегающего на ту сторону по льду. Но пограничник его заметил и погнался за ним по улице уже на румынской стороне.

Братья отца из Америки прислали деньги для всех родных на адрес сестры нашей бабушки Енты в Кишинев. Деньги эти предназначались для уплаты контрабандистам, которые должны были перевести нас в Румынию.

И вот мы находимся в шалаше на берегу Днестра. Лето. Много зелени вокруг. Кусты, деревья, высокая трава; и шалаш наш не построен руками людей, а сплетен из веток кустов и деревьев. Мы ясно видим солдат-пограничников на румынской стороне. Река в этом месте очень узка. Солдаты улыбаются, как будто насмеяются над нами. Мы уже несколько дней в этом месте вместе с другими семьями. Дети голодны и просят есть. Родители рассуждают о том, что будет хорошо, если красноармейцы обнаружат нас и арестуют: в тюрьме, по крайней мере, дадут хотя бы по куску хлеба детям. А контрабандисты все не появляются. В конце концов, темной безлунной ночью они пришли. Они торопят нас, подталкивают вперед и шепчут: «Гайда! Гайда!» Впервые я услышала это слово. Мы добежали до берега к лодкам. Нас посадили туда и переправили на другую сторону. Нас отвели в землянку и принесли нам бутылки с водой и хлеб с селедкой. Какой привлекательный вид и запах был у этой еды! И как мы были голодны! Но наш организм после долгой голодовки принимал только воду: остальное мы не способны были есть.

Наша семья благополучно перешла границу. Мы остались все вместе, а многие семьи распались, потеряли друг друга: одни перешли границу, а другие остались, расставшись с близкими на многие годы. Подкупленные румынские солдаты из пограничной охраны грабили беженцев, отнимая у них часы и драгоценности.

Итак, мы находимся в Рашкове, на румынской территории. Живем в маленьком глинобитном домике, побеленном снаружи. Това переболела тифом, она вернулась из больницы худой и бледной. Все мы, дети, весь период наших скитаний ходили с бритыми головами. Това помогала соседке в уходе за ребенком. Однажды она принесла мне несколько долек апельсина. Я впервые попробовала этот неведомый мне доселе фрукт, и он показался мне вкуснее украинских яблок и груш.

Мы должны были переправиться в Кишинев. Так как документов у нас не было, мы не могли переехать всей семьей вместе. Не помню, как переправились другие члены семьи, но помню, что муж бабушкиной сестры, на адрес которого прибыли деньги для всех нас, приехал из Кишинева и забрал меня с собой. Мы едем поездом в Кишинев. Тяжелое испытание пришлось пережить мне во время этой поездки. Дядя, высокий старик с ермолкой на голове, сидел и играл в карты с другими пассажирами. Молдаване, муж с женой, оба высокие, смуглые, приветливо отнеслись ко мне. И вот мы сидим на ступеньках вагона, мужчина держит меня на коленях, а жена его сидит рядом. И он говорит ей: «Давай возьмем эту девочку с собой, к нам». Я поняла его слова и громко закричала. Дядя прибежал и отобрал меня у них. На следующей станции они сошли. Чего только не случалось в те времена! Я могла быть навсегда оторвана от своей семьи.

Мы в Кишиневе живем в большом прямоугольном дворе, с жилыми домами с обеих сторон. Мы живем на первом этаже. Вход во двор через ворота. Уже в первые дни нашего пребывания в Кишиневе мама взяла Тову и меня и повела нас в школу. Для нашей матери главное было, чтобы мы учились, и учились хорошо. У Товы еще в местечке был частный учитель. Он учил ее ивриту и русскому языку. Мама зашла с нами посреди урока во второй класс, куда была направлена Това. Это была еврейская школа общества «Тарбут» («Культура»). Ученики сидели за столами, чисто и аккуратно одетые. Ведь они не были беженцами! А мы стояли перед классом в черных рваных чулках. Дети смотрели на нас, а мне было очень стыдно за наш вид. Учитель встретил нас приветливо. Мама попросила его взять меня в этот класс, так как я напугана после погромов, и желательно не разлучать меня с сестрой. Учитель согласился и посадил нас с Товой за одну парту. Я помню, как я научилась читать. Когда мы начинали учить новый урок,

я волновалась, что мне предложат почитать вслух, как другим детям; тогда обнаружится, что я даже букв не знаю. Но так ни разу не случилось: вероятно, учитель знал об этом. Дома Това читала вслух, а я заучивала урок наизусть. Разумеется, письменные задания и упражнения по арифметике я срисовывала с тетради Товы. При проверке домашних заданий я была спокойна, так как все они были у меня выполнены. Таким путем я постепенно научилась читать и писать.

У наших соседей были сын и дочь соответственно Товиною и моего возраста. Девочку звали Зиночка. Она была светловолосой с голубыми глазами. Я дружила с этой девочкой. Первое время после приезда в Палестину я очень тосковала по ней и видела ее в снах.

В Кишиневе однажды я попросила у родителей купить мне мяч. Папа поехал со мной на рынок, и мы подошли к прилавку игрушек. Там были разноцветные мячи. Я выбрала большой мяч с красными, зелеными и синими полосами. Но папа сказал, что, увы, он слишком дорогой. Я показала на другой, поменьше, потом на третий, на четвертый, но ни один из них не был по карману моему отцу. Наконец выбрали: папа купил мне самый маленький мяч светло-серого цвета. Я рада была и этому. Мяч был упругий и высоко подскакивал; мне приятно было играть с ним.

Однажды зимой, когда мы играли с соседскими детьми, он попал в открытую печь и сгорел. Я стояла со своими друзьями, беспомощно глядя, как огонь пожирает мой мяч. Эта потеря причинила мне боль. Я не помню у себя в детстве других игрушек, кроме куклы с фарфоровой головой в местечке и этого мяча в Кишиневе.

В Соколивке отец наш имел лавку, но в юности после смерти отца он научился у ремесленника плести веревки. И вот в Кишиневе отец приобрел деревянное устройство для кручения веревок из льна. Это устройство состояло из большого деревянного колеса. Папа установил его посреди двора. Това и я помогали папе в изготовлении веревок. Одна из нас крутила колесо, а другая держала концы нитей, протянутых от установки на большое расстояние. Папа, пробегая вдоль крутящихся ниток, соединял их в веревку. Не помню точно процесс изготовления, но помню, что получались настоящие крепкие веревки.

У папы появился компаньон, чтобы освободить нас, детей, для учебы в школе. Когда отец заболел и долго лежал в больнице, компаньон обобрал его. Это была большая травма для моих родителей. Выйдя из больницы, отец по совету врачей бросил курить. С тех пор он не курил больше никогда. Мирьям очень подросла и похорошела за время нашего пребывания в Кишиневе. Я помню, как мы с Товой ведем ее за руки по улице, а проходящая женщина говорит: «Посмотрите, какая красивая девочка!» И мы гордились нашей сестрой.

В Кишиневе я впервые в жизни попробовала маслины, но не поняла, почему люди едят такую соленую и горькую ягоду. Мамалыга (запеканка или каша из кукурузной муки) – национальная еда молдаван – также не понравилась мне.

В Кишиневе мы прожили около двух лет. Вероятно, мы дожидались разрешения английских властей Палестины на въезд в страну. Там родилась Сара, четвертая дочь в нашей семье. Мы с Товой поехали в роддом посмотреть на ребенка. Мама показала ее нам через окно. Возвращаясь домой, мы шли по ремонтируемой мостовой. Мы шли по кучам камней и спорили: одна из нас говорила, что девочка красивая, другая утверждала, что нет. В споре я толкнула Тovu на грудь камней так, что она сломала или вывихнула руку. Това вскрикнула от боли, а я в тот вечер, боясь наказания, сбежала из дому. Но когда меня поздно вечером нашли, то о наказании уже не было речи, так все были рады. Но сильнее страха наказания меня мучили мысли, что из-за меня Това пострадала и может остаться с поломанной рукой. С этими мыслями я жила все время, пока Това была в гипсе. О, как я воспрянула духом, когда гипс наконец сняли и рука ее оказалась целой.

У нас во дворе жила одна девочка нашего возраста, которую родители заставляли делать всякую тяжелую работу и запрещали ей играть с детьми. Она даже боялась остановиться около нас, чтобы перебраться словом. Я помню ее в темно-сером платье, поднимающуюся по лест-

нице с двумя полными воды ведрами в руках, смотрящую в нашу сторону с жалкой улыбкой. Судьба этой молчаливой, грустной девочки трогала и озадачивала меня: как могут родители так относиться к своей дочери!

В Кишиневе родители спорили между собой, куда ехать на постоянное место жительства. Папа хотел в Америку к своим братьям, а мама тянула к своей семье в Палестину, где был уже дедушка с двумя моими дядями и тетей. А в Америке у папы было четыре брата. Его старший брат Залман жил уже в Тель-Авиве, а Шнеер, единственный брат, которому не удалось перейти границу, переехал из местечка в Баку. Мама победила. Мы готовились к поездке в Палестину.

Нам купили новую одежду. Помню вязаные синие шапочки с белыми полосками. Мы прибыли в город-порт Галац. Там мы сели на пароход и поплыли в Палестину. В Черном море начался страшный шторм. Все заболели морской болезнью, кроме папы и меня. Мы с ним гуляли по палубе, смотря на бушующее море, на волны, бьющиеся о борт парохода. Отец показывал мне на прыгающих над волнами рыб и называл их.

Первые годы нашей жизни в Палестине

Мы прибыли в Хайфу, и нас первым делом поместили в карантин. Здание карантина представляло собой большой краснокирпичный дом, окруженный решетчатым забором. Один парень из нашего местечка, по-видимому из семьи Дозорец, подошел к забору и передал нам корзинку с мандаринами. В карантине нас кормили в большом зале за длинными столами. Каждое утро к завтраку нам подавали черный хлеб, намазанный медом, с куском голландского сыра. Мне это сочетание сладкого с соленым показалось странным. Когда нас выпустили из карантина, мы пошли пешком на Адар к строящемуся дому Дозорцев. Братья Дозорец стояли на лесах и строили своими руками свой дом. Они встретили нас приветливо.

Мы прибыли в Тель-Авив. Вначале мы жили у дедушки вместе с дядями и тетей Адой. Нам выделили часть барака без окон. Дяди мои возили на верблюдах щебень и гравий с берега моря для строительства домов в Тель-Авиве. Ада занималась домашним хозяйством. Нас было четверо детей, а папа не смог найти работу. Нам, семье из шести человек, пришлось жить за счет дядей, которые с трудом зарабатывали себе на жизнь, а на их иждивении были уже дедушка и Ада. Положение было тяжелым. Тове и мне тогда частенько попадало от папы, раздраженного тяжелым положением новопривывшего. За что нас наказывали, я не помню. Я помню два случая, когда я обидела Тову и заслужила наказание, но я убежала, пряталась, и все сходило мне с рук.

Мои родители прибыли из разрушенного погромами местечка с четырьмя маленькими детьми без всяких средств к существованию. Папа пытался работать строительным рабочим, но работа эта была случайна, и прокормить ею семью он не мог. Однажды дедушка, услышав через стенку барака, что папа бьет меня, прибежал, забрал и уложил спать с собой. Мне было тогда восемь лет, и спать с дедушкой было неудобно, но я была ему благодарна, что он спас меня от побоев.

Около барака моего деда стояла большая палатка брата отца Залмана Трахтмана. Это была большая прямоугольная военная палатка из брезента. В ряду бараков новопривывших на самом конце стоял большой красивый добротный построенный барак из струганых досок семьи старожилов Ерушалми. Моя тетя Ада через некоторое время вышла замуж за Иешуа Ерушалми – члена этой семьи. Иногда для развлечения дяди нас с Товой катали на верблюде. Через некоторое время семья Залмана переехала в барак, расположенный на этой же песчаной площадке между теперешней улицей Кинг Джордж и улицей Бецалель. Мы переехали в маленький домик, побеленный снаружи, в песках, далеко от улицы Алленби и от барака дедушки. В это время мы с Товой начали посещать школу. Мы учились в школе для девочек в Нве-Цедеке. Мы продолжали учиться вместе в третьем классе. Автобусов в Тель-Авиве тогда не было, и мы ходили в школу пешком.

Мы пересекали улицу Алленби, выходили на улицу Нахлат-Биньямин, оттуда, пройдя мимо больницы «Адасса», поворачивали направо, продолжая идти по разным другим улицам до Нве-Цедека. Наша бывшая школа для девочек перестроена теперь в Центральную школу танца.

Спустя несколько лет, когда мы переехали на улицу Левински, мы шли в нашу школу через улицу Герцля, мимо гимназии «Герцлия» и поворачивали налево в сторону Нве-Цедека.

Когда мы жили в домике в песках, рано утром подходил к дому арабский пастух со своими козами, и мама покупала у него молоко. Часов у нас в доме не было. Това была очень прилежной ученицей, выбегала в школу рано утром. Она бежала, я за ней. Когда мы добежали до улицы Алленби, то часто видели дядю Залмана и тетю Браху, продающих фрукты на рынке. Было рано, они только начинали раскладывать товар на прилавке, как и другие торговцы. Покупателей на рынке еще не было. Я, устав от бега по пескам, говорила Тове: «Смотри, нет еще

школьников на улице!» Она в ответ: «Не видно учеников, так как они уже давно все в школе» и продолжала нестись бегом в школу, а я за ней.

Мы всегда приходили в школу первыми и долго играли во дворе, пока не появлялись некоторые другие.

Напротив школы для девочек располагалась школа «Альянс». Однажды наша подруга Симха решила опередить нас. Когда мы пришли в тот день в школу, то застали Симху одну во дворе в панамке, играющую в «классики», нарисованные мелом. Она подпрыгивала и торжественно напевала: «Я сегодня пришла в школу раньше сестер Трахтман!»

В третьем классе я продолжала переписывать у Товы упражнения по математике. Читать и писать я уже умела. Мы переехали в старый барак на улице Бецалель. До нас в нем жил возчик, и конюшня примыкала прямо к бараку. Там были две комнатухи, и каждое утро перед выходом в школу мы мыли в них полы. Затем мы брали с собой Сару и Бат-Ами, наших маленьких сестричек (Бат-Ами родилась уже в Стране), и по дороге в школу оставляли их на рынке с родителями, которые открыли там лоток по продаже яиц. Родители наши выходили на рынок рано утром до восхода солнца, когда мы, дети, еще спали. Бат-Ами я возила в соломенной коляске, колеса которой не смазывались и скрипели на всю улицу. Я провозила коляску по Бульвару Ротшильда и по другим тихим улицам, где зажиточные люди еще спали. По дороге из школы мы забирали девочек домой. Вероятно, в Тель-Авиве тогда еще не было детских садов, или же у наших родителей не хватало средств на детский сад. Мы приводили детей домой и ухаживали за ними до возвращения родителей. Барак был старый, в нем между досками кишели клопы. Мы с Товой решили вывести их. Я не знаю, были ли тогда в продаже какие-либо химические средства против насекомых, а если и были – мы о них не знали. Мы взяли острый перец и в жаркий летний день во время каникул стали намазывать щели барака перцем, держа его голыми руками, прижимая к доскам, чтобы сок выливался в щель. Втирая перец в щели, мы вытирали руками пот с лица. Постепенно лица наши начали гореть. Мы крикнули младшей сестре Мирьям, чтобы она немедленно принесла нам воды. Но воды не было ни в бараке, ни около него. Мирьям схватила ведро и помчалась через улицу за водой. Мы мыли лица руками, вымазанными перцем, и кричали Мирьям нести еще воды. Барак наш стоял далеко от других. Мы были дома одни; не было взрослого, который помог бы хотя бы советом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.